

ВЕРНОСТЬ ТЕАТРУ

★ НАШИ
ИНТЕРВЬЮ

Творческая судьба артиста Станислава Ландграфа неразрывно связана с театром имени Комиссаржевской, куда его пригласили более двадцати лет назад, сразу после окончания института. Дебютировал же он на сцене театра еще студентом-четверокурсником в спектакле «Случайные встречи».

Все начиналось удачно. Однако потребовались годы упорной работы, пока ему, еще молодому, малоизвестному актеру, доверили центральную роль в спектакле «Насмешливое мое счастье». Своими следующими работами Ландграф подтвердил, что образ Чехова был для него не случайной удачей, что ему под силу роли высокого драматического напряжения. Это и Борис Годунов в трилогии К. Толстого, и Герострат в «...Забудь Герострата!», и коммунист Максимов в «Дипломате».

Мы попросили народного артиста РСФСР Станислава Николаевича ЛАНДГРАФА рассказать о себе, о своих работах.

— Каждый раз, играя «Царя Бориса», вы добавляете к исполнению новые штрихи. Это осознанное стремление к импровизации или она непродуманна?

— Осознанное. Играть два спектакля одинаково, по-моему, невероятно сложно. Конечно, надо отделять импровизацию от «отсебятины». Естественно, с другим партнером самочувствие иное: с Федором — Владимиром Особином мой Борис напряженнее, жестче, с Федором — Владимиром Летенковым — раскрепощеннее.

— В программе спектакля «Смерть Иоанна Грозного» есть строчка: «Текст скоморошины С. Н. Ландграфа». Это не единственный ваш литературный опыт?

— Не единственный. Я написал слова песни к спектаклям нашего театра «Тогда в Севилье», «Золушка», «Обвинительное заключение» и другим. Вместе с ныне известным поэтом-песенником Ильей Резником, в прошлом артистом нашего театра, писали тексты для нашего эстрадного пародиста Виктора Чистякова, ушедшего из жизни совсем молодым.

— Жаль, что мы не открыли вас еще в од-

ном качестве — режиссера, ведь театр не привез на гастроли спектакль «Несколько дней без войны», где вы дебютировали как постановщик и одновременно сыграли главную роль.

— А вы знаете, легче играть царя Бориса, чем Лопатина! Для меня главное в Лопатине — одержимость делом, которому он служит. Если человек сам через что-то прошел, то не будет кричать о прожитом, о пережитом. В данном случае, о войне. Таков Лопатин, очень сдержанный человек.

— Хотелось бы еще ставить?

— Нет, пожалуй, все-таки режиссура не мое дело. Не могу отстраненно оценивать артистов, с которыми вместе работаю, критически взглянуть на своих партнеров. И преподавать — тоже не мое. Наш главный режиссер Рубен Сергеевич Агамирзян набирал курс в театральном институте и пригласил меня вести актерское мастерство. Три месяца я вел, больше не стал. Делу, которое ты делаешь, нужно отдавать себя целиком. Мое дело — играть.

— И в кино — тоже?

— Главное, конечно, те-

Вечерний Станислав Ландграф

атр, это мой единственный коллектив в жизни. Я вообще не люблю, когда актеры меняют театры. Так и себя недолго потерять. И теряют, знаю массу тому примеров. А что касается кино, то я снялся в нескольких фильмах («Комитет 19-ти», «Убит при исполнении», «Право первой подписи», «Смятение», «Личная жизнь»), но «романа» с кинематографом у меня тоже не получилось. Многие, что предлагали сыграть, мне не хотелось, а то, что хотелось бы, — не предлагали...

— Что вы цените в актерах? Когда вам радостно глядеть на сцену и когда — грустно?

— Помню, как Николай Константинович Черкасов играл на сцене театра имени Пушкина Хлудова в булгаковском «Беге». Он сидел в глубине сцены и молча читал газету, и от него нельзя было оторвать глаз, хотя он вроде бы ничего не делал. А потом он ушел, и уже можно было замечать других актеров.

В актере я ценю «магическое» — индивидуальность.

Мне грустно, если вижу, что в сцене, где нет слов, артисты попросту отдыхают — не живут жизнью образа. Если ты безучастен хоть на миг, это уже ремесленничество. Очень ценю партнерскую верность, умение подхватывать сразу, без подготовки, импровизацию партнера.

Н. ВИКТОРОВ.

На снимке: артист С. ЛАНДГРАФ в спектакле «Святая святых».

Фото Л. Марголина.

12.7 ИЮН 1984